

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VI

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1937 · Ленинград

А. К. БОРОВКОВ

О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского литературного языка¹

I

Сравнительно в короткий срок в Узбекистане была проведена реформа письменности и освоен новый латинизированный алфавит. В 1926 г. новый алфавит был объявлен правительством Узбекской ССР государственным алфавитом. Через три года новый алфавит вытеснил существовавшую реформированную письменность на основе арабского алфавита.

На Самаркандской конференции по вопросам языка и орфографии 1929 г. были сформулированы, казалось бы, стабильные принципы орфографии и терминологии и намечены известные вехи развития узбекского литературного языка вообще.

Новый алфавит стал составной частью культурного строительства широчайшего размаха. Почти неграмотная в прошлом страна подошла вплотную к задаче полной ликвидации неграмотности. В 1933 г. в Узбекистане насчитывалось уже 65% грамотных.

Но вместе с тем, вскоре же совершенно ясно обнаружилось, что на практике решения Самаркандской конференции 1929 г. приводили все к большей и большей путанице как в области орфографии, так и в области терминологии.

Наконец, в 1932 г., в решениях пятого пленума ЦК Узбекской коммунистической партии было категорически указано на необходимость покончить с существовавшей орфографической анархией. Под этим лозунгом борьбы с орфографической анархией была проведена последняя реформа Узбекской орфографии.²

¹ Выполнено по заданию ВЦК НА по материалам Узбекского комитета нового алфавита и терминологии.

² См. Ёмла материаллари, I. Тошкент, 1933. Adabi til va imla toqrisida maqala, qararlar, II toplan, Тошк., 1934. Ўзбек adabi tilinin, brlasgan jan'i imla lajihat, Тошк., 1933. Новый проект единой орфографии узбекского литер. языка, Ташкент, 1933.

Глубоко ошибается тот, кто думает, что реформа узбекской орфографии свелась только к сокращению гласных с девяти до шести. Значение реформы, и именно принципиальное, политическое значение, чрезвычайно велико.

Всем своим существом последняя орфографическая реформа направлена против реакционных, националистических по существу, тенденций, Самаркандской орфографической конференции 1929 г. Вопросы орфографии нельзя рассматривать изолированно, вне связи с общей концепцией литературного языка. Не случайно развитие национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, рост среднего и высшего образования, возросший уровень лингвистической культуры все с большей и большей очевидностью обнаруживали резкое противоречие задач культурного строительства и формул, выработанных Самаркандской конференцией в области литературного языка.

В свое время известная националистическая группа «Чагатайское общество» (Чагатай гурунги) поставила себе задачей «возрождение» антинародного, феодального, литературного чагатайского языка, символа «былого величия» чагатайской государственности. Чагатаисты подняли на щит все «древнетурецкое», «истинно-чагатайское»; на писателях XV—XVI вв. они пытались создать образцы литературного языка, новой советско-интернациональной терминологии пытались противопоставить «терминологию» среднеазиатского средневековья.

Опираясь на реакционную пантюркистскую концепцию литературного языка, националисты исходили, с другой стороны, из некоего абстрактного единства языков тюркской системы, с такими общими свойствами, которые должен разделять и узбекский литературный язык, коль скоро он относится-де к системе тюркских языков. На этом основании, в частности, небезызвестный «железный закон сингармонизма» был положен в основу узбекской орфографии.

Совершенно независимо от того, что важнейшим узбекским диалектам явление сингармонизма несвойственно, сингармонизм в узбекском языке рассматривался как нечто само собою разумеющееся.

«Подобно тому как в каждом тюркском наречии, в нашем узбекском языке существует закон гармонии гласных. По этому закону приставки (суффиксы), присоединяемые к «твердым» словам, бывают также «твердые», суффиксы, присоединяемые к «мягким» словам, «мягкие». В языковедении этот закон называется законом сингармонизма... Таким образом, имея в виду, что наш старый литературный язык и большинство народных диалектов

являются сингармоническими, надо положить в основу диалект, сохранивший гармонию гласных, и наметить девять гласных».¹

Подобного рода аргументация признавалась вполне достаточной, чтобы настаивать на введении девяти гласных.

С другой стороны, эти умонастроения стимулировали односторонние диалектологические исследования, тенденциозный интерес к сингармоническим говорам узбекского языка, хотя бы и отдельных селений, ибо в этих говорах хотели видеть «неиспорченные городской культурой» своего рода «основополагающие» говоры узбекского литературного языка.

В этом смысле чрезвычайно характерна также точка зрения бывшего, в свое время, научного авторитета сторонников «Чагатайского общества» проф. Фитрата, изложенная в его «Этимологии». «Наш язык, — писал проф. Фитрат, — является широким ответвлением тюркского языка. Основные законы тюркского языка несомненно свойственны и нашему языку. Подобно тому как и во всех ответвлениях тюркского языка, в нашем языке также, с точки зрения гармонии гласных, слова подразделяются на твердые (толстые) и мягкие (тонкие).

«Подобно тому, как мы встречаемся с вопросом гармонии гласных в старых писанных источниках, и среди степных жителей (dalada jaşoqanlar arasida) также в большинстве можно найти гармонию гласных. В испорченных под влиянием персидской литературы и семинарских руководств (madrassa taʻvīdī təcīrī bilān) городских говорах мы не видим этого, но вместе с этим нельзя сказать, что в нашем наречии нет гармонии гласных, твердости и мягкости».²

Под знаком этой реакционной, пантюркистской идеи велась практическая работа и в области орфографии и в области терминологии.

Выше говорилось, что вопросы орфографии нельзя рассматривать изолированно, вне связи с общей концепцией литературного языка. Это обстоятельство находит особенно убедительное подтверждение в практических результатах Самаркандской конференции 1929 г.

В самом деле, если внимательно присмотреться к решениям этой конференции, не трудно увидеть, что, по сути дела, эти решения являются результатом известного обходного маневра. Взгляды «Чагатайского общества», потерявшие всякий кредит в глазах советской общественности, уже невозможно было защищать открыто в 1929 г., и мы видим, что

¹ Э. Əlavī, ʻOzbek jəni əlifbesini tyzişdə asalar, Taşk. — Samark., 1926, стр. 5.

² Fitrat, ozbek tili qajidaları toqrisida Bir taqriba, birinci kitab, Sarf, Taşk., 1925, стр. 16, (فیتروت سەرف ب نچى باسمە تاشكەنت ۱۹۲۷ يىل)

националисты, на словах выступая против «чагатаизма» и прикрываясь тогой демократизма, на деле защищали и проводили в жизнь те же националистские взгляды, ту же реакционную концепцию литературного языка.

Перед началом Самаркандской конференции в начавшейся дискуссии по вопросам языка Рамзи, тогда народный комиссар просвещения Узбекской республики, следующим образом охарактеризовал пути развития узбекского литературного языка:

«... Узбекский литературный язык развивается и нормизируется, идя по пути восстановления тех богатств, которые были у него до революции. Но в этой работе имеются и некоторые ненормальные отклонения.

В строительстве нашего литературного языка лежат следующие принципы:

- а) Выбор одного из узбекских диалектов и превращение его в основу литературного языка. Какой это диалект? Это необходимо выяснить.
- б) Заимствование некоторых нужных элементов из других диалектов.
- в) Заимствование соответствующих элементов из узбекского языка эпохи Наваи, Лутфи, эпохи Фирузшаха, Камилъ Хорезми, Умархана, Мукими, Фирката, а также эпохи джадидов.
- г) Источники исследования материалов по народной литературе, литературе, написанной на старом узбекском языке, по современным диалектам.
- е) В установлении основ узбекского литературного языка необходимо должен быть положен употребляющийся ныне и приобретший ныне некоторые установленные нормы литературный язык, несмотря на недостатки».¹

Нельзя сказать, чтобы принципы, сформулированные Рамзи, отличались последовательностью. Предлагая установить ведущий диалект, он одновременно указывает, что в основу должен быть положен «употребляющийся ныне... литературный язык» с поправками на элементы из диалектов и средневекового литературного языка. Этим самым Рамзи делает ставку на сохранение сингармонизма и средневековой литературной традиции в орфографии и терминологии, сознательно противопоставляя литературный язык языку масс, национальную ограниченность влиянию советско-интернациональной культуры.

Откровеннее об этой стороне концепции литературного языка говорил Бату. Высказывания Бату перед той же Самаркандской конференцией отчетливо обнаруживают скрытый смысл маневра националистов, боровшихся за свое влияние в области культуры.

¹ Mannan Ramzi. Muhim ilmi kanferensija aldidan, Qzil Ozbekistan, № 13, 1929. То же. Вопросы языка и орфографии. Самарканд—Ташкент, 1929 (на узб. яз.), стр. 146.

«В деле строительства нашего языка и орфографии, — писал Бату, — нам необходимо воспользоваться и нашим опытом. Не невозможно повторение прошлых ошибок, если мы не обратим внимания на причины прежних ошибок. Нельзя сказать, что у нас нет необходимости и в использовании уроков „Чагатайского общества“ („Чагатай гурунги“), сослужившего большую службу для строительства нашего языка и орфографии.

„Является ли сингармонизм „железным законом“ узбекского языка? Необходимо ли обязаны подчиняться все заимствованные (иностранные) слова, вошедшие в употребление у узбекского народа, этому железному закону?

«Отвечающие на эти вопросы, — продолжает Бату, — у нас делятся в основном на две группы: „железнодорожников“ и „умеренных сингармонистов“.

«Железнодорожники говорят: „сингармонизм является душой, нерушимым, железным курганом узбекского литературного языка. Противники сингармонизма желают низвергнуть узбекский литературный язык, или не понимают будущей роли этого языка“. Это громадное отступление. Разговоры о том, что без сингармонизма узбекский язык останется без души и погибнет, показывают неосведомленность об истории языка и законах его развития.

«Железнодорожники говорят: — „иностранные слова, имеющиеся в узбекском языке, пусть будут изменены в согласии с нашим законом сингармонизма. Чтобы жить в нашем языке пусть они приобретут наш паспорт“.

«Чагатайское общество» имело эту же тенденцию. Сторонники «Чагатай гурунги» говорили: «Арабские и персидские слова, не подчиняющиеся нашим законам, пусть будут выброшены из нашего языка, мы вместо „alət“¹ возьмем „asın“.² Но такие слова, как *uqan*, *ezim*, *son*, *asın* и т. п., сторонников «Чагатайского общества» не проникли в узбекский литературный язык, также не пройдут в узбекский литературный язык и *oqibdiraq* *qavabgar*» и т. п. «железнодорожников».³

Настаивая на «умеренном сингармонизме», Бату в этой же статье заявляет о том, что девять гласных недостаточно для выражения целого ряда слов. Вместе с тем националисты отчетливо представляли себе, что их концепция литературного языка несовместима с действительно народным

¹ Арабское «мир».

² Древнетурецкое, чагат. «мир».

³ Batu. Til va imla toqrisida bir nesa soz, Qiz. Ozbekstan, № 42, 1928. То же. Вопросы языка и орфографии (на узб. яз.). Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 112.

литературным языком, что она идет вразрез с насущными требованиями культурного подъема масс.

Тот же Бату¹ писал тогда же, перед Самаркандской конференцией: «Ряд лет практики показали нам, что нынешние девять гласных для масс представляют трудности. Разумеется это не в такой же мере трудно для класса просвещенных и образованных людей. Но ведь мы и не говорим, что язык и орфография являются монополией этого класса, после этого придет время для того, чтобы считаться с массами».

И вот под знаком этих тенденций прошла Самаркандская конференция 1929 г. Результаты этой конференции не замедлили сказаться на практике. Орфографическая анархия уже через год заставила внести ряд поправок в решения конференции, а затем и вовсе отказаться от них.

Основным источником анархии в орфографии явились, несомненно, правила о сингармонистическом принципе орфографии и подчинении орфографии заимствованных слов и советско-интернациональных терминов девятигласному фонетическому укладу. Решения конференции 1929 г. гласили: «Твердость и мягкость сохраняется в орфографии узбекских слов (§ 2). Вошедшие прежде в узбекский язык и освоенные заимствованные слова пишутся в согласии с правилами нашей орфографии (§ 14). Русские и европейские слова пишутся нашими буквами и в соответствии с природой нашей орфографии, но так чтобы не изменять их основную форму (§ 15). Русские и европейские слова пишутся в согласии с правилами слоогобразования в нашем языке. В начале слова, перед стечением согласных или между ними в согласии с произношением, они разделяются гласными: *u, ʊ, y, i: iskaf, ystiy, pyryletar, kyryzek* и пр. (§ 23). Русские и европейские *k* и *g* пишутся через наши *k* и *g*, напр. *kommynist, gvardiya*. Заимствованные (иностранные) слова с *k* и *g* суть мягкие (*inʃickə*), и пишутся с мягкими гласными» (§ 18).²

Приведенных решений Самаркандской Конференции достаточно, чтобы составить себе представление о размерах той орфографической анархии, которая последовала за этими решениями. Надо напомнить, что девятигласный уклад был положительно навязан трудящимся Узбекистана передовых районов и городских центров.³

¹ Batur. Til va imla masalasi ustida bir nesa soz «Alanga» № 12 1928 (на реформ. арабск. алф.). То же. Вопросы языка и орфографии..., стр. 143.

² 1929 — psi jyl maj alyda Samarqand qsharido bolqan til-imla konferensijasinin, imla toqsharydoy qararg. См. imla materiallary, Tasik., 1933, стр. 34—37.

³ Проф. С. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Узгосиздат, Ташкент, 1933, стр. 10—25.

О размерах орфографической анархии, особенно в правописании советско-интернациональных терминов, говорят такие факты: обследование в школах показали, что напр. слово «Кремль» писалось в 17 различных вариантах, *tiwafiq* в 15 вариантах; учащиеся школы им. Энгельса «Энгельс» написали в диктанте в 15 вариантах. Самые, казалось бы, употребительные термины писались различным образом, напр. «пролетарий» — *pyryletar, praletar, pyroliter, piraletar* и т. д.

Это, так сказать, внешняя сторона явления, суть же орфографической анархии заключалась в том, что не было никакого критерия правильности в правописании. С точки зрения существовавших правил, пожалуй, нельзя было указать какое из 17 написаний слова «Кремль» является единственно верным.

Шаг за шагом преодолевались традиции 1929 г. После ряда эпизодических коррективов в орфографии, в 1932 г., вслед за решением пятого пленума Центрального Комитета компартии Узбекистана о ликвидации орфографической анархии, произошел решительный поворот в борьбе с орфографической анархией, традициями 1929 г. В начале следующего, 1933 г., в Москве, на совещании московских и ленинградских лингвистов совместно с Узбекской делегацией был рассмотрен проект новой узбекской орфографии, в котором было предусмотрено сокращение гласных до шести.

Новый проект орфографии был утвержден Правительством Узбекистана 13 марта 1934 г.

Реформа узбекской орфографии была подготовлена всем ходом исторического развития.

Завершение реконструктивного периода, вступление в период социализма, окончание первого пятилетнего плана и широкое строительство на основе второго пятилетнего плана, — за небольшой отрезок времени совершенно преобразили и экономический и культурный облик Узбекистана.

Развитие культуры и рост образования сопровождали огромное хозяйственное строительство. Попытки националистов влить свое содержание в национальную культуру, попытки противопоставить националистическую, буржуазную культуру советско-интернациональной, социалистической, оказались обреченными, ибо за националистами не стояли массы, ибо националисты сами не рассчитывали на массы «... придет время для того, чтобы считаться с массами» самоуверенно заявлял Бату и вкупе с единомышленниками сознательно ставил себе задачей в области литературного языка, в частности, отчуждение литературного языка от языка масс в угоду националистической, пантуркистской схемы.

Суть последней орфографической реформы, следовательно, в том, что эта реформа окончательно покончила со старыми, националистическими по своему содержанию, тенденциями, с буржуазно-националистическим пуризмом в создании современного узбекского литературного языка.

Иной точки зрения в этом вопросе не может быть. Приходится удивляться тому обстоятельству, что среди работников, принимавших самое деятельное участие в реформе орфографии, могла возникнуть мысль о каком-то особом процессе в развитии самого литературного узбекского языка, который (процесс) привел будто бы логически к необходимости новой орфографической реформы.

Я имел при этом в виду следующее суждение по поводу реформы: «Резко изменилась тенденция развития узбекского языка по линии наибольшего изживания сингармонизма. В связи с проникновением и усвоением интернациональных слов возникли и возникают новые звуко сочетания, слогаобразования, новые окончания (*izm*, *ik* и др.), происходят изменения в составе гласных в сторону их сокращения (е, ъ, у) и т. п.»¹

Само собою разумеется, нет никаких научных оснований говорить о каком-то процессе «изживания сингармонизма» и «изменений в составе гласных» в современном литературном узбекском языке, ибо ведущие диалекты узбекского языка характеризуются именно отсутствием сингармонизма и девятигласный уклад был навязан литературному языку из известных нам уже соображений.

Вопросы орфографии неотделимы от общей концепции литературного языка; это обстоятельство совершенно очевидно. Самым значительным и знаменательным с этой точки зрения, с точки зрения учета опыта языкового строительства в Узбекистане вообще, является тот несомненный факт, что ныне мы подошли здесь к правильному пониманию и разрешению проблемы литературного языка и, естественно, орфографических и терминологических вопросов.

За последние годы значительно выросла лингвистическая культура в Узбекистане. Это нашло свое отражение в первую очередь в огромном росте фактических знаний об узбекских диалектах, их территориальных границах и взаимоотношении; вопрос о классификации диалектов поставлен на реальной научной основе. Таким образом и отношение диалектов к лите-

¹ А. Хашимов. О новом узбекском литературном языке и его орфографии. См. Наука и Техника № 2—3, Ташкент, 1933, стр. 29.

ратурному языку представляется ныне в свете научных данных, а не абстрактных разговоров, как это было пять-шесть лет тому назад.

К вопросам языка было привлечено большое внимание и сосредоточены значительные силы в центральных научно-исследовательских организациях. В ходе подготовки к орфографической реформе были объединены руководящие организации — Комитет нового алфавита и Терминологическая комиссия. В результате объединения значительно расширилась база лингвистической работы и научно-исследовательский охват проблем языка. В свое время организованный Центральный комитет нового алфавита и терминологии выпустил обращение ко «всем советско-общественным организациям и отдельным трудящимся», где, между прочим, акцентирован этот момент.

«В виду предстоящей в Узбекистане большой научной работы в области языковой культуры, — говорится в обращении, — решением директивных органов ЦК нового алфавита при Узб. ЦИКе, с присоединением к нему Узгостерминкома¹ при Наркомпросе, реорганизован в Центральный комитет нового алфавита и терминологии (ЦК НАТУ) при Президиуме ЦИК Советов Узб. ССР.

При ЦК НАТУ организованы отделы, ведущие плановую работу по вопросам алфавита, орфографии, терминологии и литературного языка национальностей Узбекистана» и т. д.

Комитетом нового алфавита и терминологии проделана значительная работа. За 1934 г. издано большое количество материалов по вопросам орфографии и терминологии, была развернута энергичная работа по составлению отраслевых терминологических словарей и различного рода справочников.²

В связь с этим необходимо поставить появление учебников по родному языку для средней школы; это чрезвычайно крупное достижение, поскольку учебники значительно расширяют образовательное значение родного языка, создают, так сказать, культуру литературного языка.³

Вышедшие учебники не свободны от ошибок. Целый ряд вещей требует коррективов в трактовке ряда грамматических категорий,

¹ Узбекская государственная терминологическая комиссия.

² Ёмла материаллари, Тошк. 1933. Adabi til va ʼmla toʻgʻrisida maqala, qararlar, II topl., 2-nci serija, Тошк. 1934. То же — II topl. — 3-nci serija, Тошк. 1934. Elbek. Ozbekçe şakldaş sözle luğatı, Тошк., 1934. Ozbekçe-rusça işjırytyş terminları şızlıđı, Тошк — Qazan 1934. Rusça-ozbekçe işjırytyş terminları şız lıđı. Тошк.—Baku, 1933 и др.

³ M. Şamsıjeŋ. Şerbek, — ozbek tili grammatikasi. Task., 1932. X. Qajjumıy, J. Dalımov. Grammatika, I bılıym, Sarf. Тошк., 1934. N. Said va J. Joldaşŋ. Grammatike, II qısm, Nohv. Тошк., 1933.

несколько случайна и не разработана грамматическая терминология. Но факт остается фактом — учебники создают систему, создают основу дальнейшего развития литературного языка, устной литературной речи.

Ошибки в учебниках вызваны большей частью или некритическим использованием общей лингвистической литературы и учебников русского языка, или неразработанностью того или иного вопроса узбекской грамматики.

Так, в учебнике Х. Qajjumii и S. Dalimov'a явно ошибочно трактуется вопрос о делении согласных: «...согласные звуки произносятся или твердо, или мягко. Поэтому в одном слове согласный звук, произносящийся твердо, в другом слове может произноситься мягко. Например: при произношении *jaz* звуки *z, j* суть твердые, в слове *jurgiz* звуки *z, j* суть мягкие. Иными словами, звуки разделяются один от другого и с точки зрения твердости и мягкости. Разница между твердыми и мягкими согласными заключается в следующем: при произношении мягких звуков, спинка языка (сердвина языка) не приподнимается к нёбу, при произношении же твердых звуков спинка языка слегка приподнимается.

Например, при произношении *t* и мягкого *t* язык продвигается вперед, кончик языка касается зубов, но при произношении мягкого *t* по сравнению с твердым *t* язык продвигается несколько более вперед, кончик языка опускается ниже».

Это рассуждение, разумеется, является явным недоразумением. В узбекском языке деление согласных на твердые и мягкие не имеет никакого фонематического значения и целиком заимствовано авторами учебника, по всей вероятности, из учебника русского языка, где твердость и мягкость согласных имеет принципиальное, фонематическое значение: пыл, пыль, кон, конь, банка, банька, молот, молоть и т. п.

• К такого же рода ошибкам надо отнести трактовку вопроса о логическом ударении в узбекском языке. Авторы учебника утверждают следующее: «при произношении в речи говорящий выделяет, придает большее значение одной части предложения, одному слову, привлекает внимание слушающего к этому слову. В сравнении с другими частями (словами) предложения слово, которому придается значение, он произносит громче, с большим усилением голоса. Например: ...*ajallar paxtan̄ terjapti*... *ajallar paxtan̄ terjapti*... *ajallar paxtan̄ terjapti*...

Очевидно, что в ответах на три различного типа вопроса тут дается толкование при помощи одного только предложения. Несмотря на это, произношение каждого из этих предложений отлично. Более подчеркнутое,

громкое произношение одной части (одного члена) предложения для выражения значения называется логическим ударением».¹

Это опять-таки очевидное недоразумение, ибо логическое ударение в этом смысле в узбекском языке отсутствует. Произношением невозможно выделить в узбекском языке слово с так называемым логическим ударением. «Логическое ударение» в узбекском языке выражается синтаксическими средствами, инверсией.

В общих чертах это правило можно формулировать следующим образом: «так называемое логическое ударение в узбекском языке падает на тот член предложения, который стоит непосредственно перед сказуемым (при обычном порядке, — прямое дополнение), всякое отклонение от обычного (повествовательного) порядка слов в предложении ведет к изменению его логического акцента, например: *Ajallar paxtani terjapti* — женщины хлопок собирают; *paxtani ajallar terjapti* — хлопок женщины собирают, возможно и *ajallar terjapti paxtani* — женщины собирают хлопок и т. п.

Только в сочетании с инверсией возможно участие произношения в логическом подчеркивании того или иного члена предложения.

Неудовлетворителен раздел о прилагательных, кстати сказать, один из труднейших разделов морфологии, коль скоро вопрос о прилагательных совершенно не разработан вообще.

В категорию прилагательных авторы учебника произвольно включили имена на — *daş* (*joldaş*), имена уподобления с аффиксом — *dağ-daj* типа *Kokxozdaj*, *bulutdağ*, равно как и наречия, соответствующие сложным наречиям в русском с предлогом «по» — типа *rusca*, *janica*, *bolşeviklarca* и т. п.

Недостатком в этом смысле является и то, что в учебнике не разграничено деление прилагательных и наречий с точки зрения синтаксического употребления тех и других.

Можно было значительно увеличить замечания такого рода по существу отдельных вопросов и морфологии и синтаксиса. Замечания эти отнюдь не умаляют огромного значения самого факта появления учебников для средних школ. Факт остается фактом — новые открытия в области изучения узбекского языка, а это можно распространить и на десятки национальных языков нашего Союза, — идут сейчас именно по линии учебников. Наша лингвистическая наука далеко отстала от жизни в деле изучения национальных языков, специалисты едва успевают следить за литературой и успехами практических работников.

¹ X. Qajjumov, S. Dalmov. Grammatika, стр. . . . то же M. Şamsijef, Şerbek, Ozbek tili grammatikəsi, стр. 42.

Самое главное, самое существенное на данном этапе заключается в общем росте лингвистической культуры, в уяснении общей концепции литературного языка, понимании образовательного значения литературного языка и взаимоотношения его с диалектами, в уяснении общей линии дальнейшего развития современного узбекского литературного языка.

Можно сказать с полной уверенностью, что исторически и логически мы подошли сейчас к решению этих проблем. Наибольшего внимания с этой точки зрения заслуживает опыт Узбекистана в разрешении орфографической и терминологической проблемы.

II. ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Правильное разрешение орфографической проблемы в национальных республиках и областях в той мере, в какой образование национального литературного языка протекает на новой основе, в той мере, в какой на смену традиционному феодальному литературному языку, далекому от живой речи, появляется литературный язык, покоящийся на живой речи трудящихся, в первую очередь встает вопрос о диалектах и едином литературном произношении.

В Узбекистане до Октябрьской революции слишком незначительной была роль «койнэ» — общего литературного произношения и узок его социальный круг распространения, ибо процесс образования наций не был возможен под эгидой царского деспотизма и местной буржуазии. Только после Октябрьской революции Советские национальные республики «... развиваются и консолидируются, как нации, не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой советской власти».¹

Тов. Сталин, указывая на огромное значение национального размежевания в Туркестане, особо отметил этот факт на примере Туркменистана и Узбекистана: «В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций „власть имущих“. Теперь настал момент, когда появилась возможность воссоединить эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти».²

Таким образом, основной проблемой развития нового узбекского литературного языка является, с самого начала, проблема взаимоотношения литературного языка с диалектами.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 9-е, Партиздат, 1932, стр. 135.

² Там же, стр. 136.

Сложность этой проблемы усугублялась много-диалектной природой узбекского языка, наличием массы диалектов от сингармонистических «джо-кающих» или «кыпчацких» диалектов с девятигласным укладом, до несингармонистических городских диалектов с шестигласным укладом, с рядом промежуточных между ними.

От разрешения этой проблемы зависит направление развития национального литературного языка.

«Чагатаисты» стремились к сохранению старой литературной традиции, их противники подчас из того же националистического лагеря противопоставляли «чагатаизму» абстрактный «общегуреджий» сингармонизм и всячески преувеличивали значение сингармонистических узбекских говоров, поднимая на щит «настоящие» узбекские говоры удаленных от экономических и культурных центров степных районов, как это делали пресловутые «джокчи» и «кыпчакисты».

Мощный подъем культуры и возросшее образовательное значение литературного языка вплотную подвели к разрешению проблемы взаимодействия литературного узбекского языка и его диалектов и вместе с тем к разрешению орфографической проблемы.

Накопленный опыт убеждает нас в справедливости того факта, что «общих элементов в диалектах больше, чем особенностей, отличных в каждом».¹ Отсюда вытекает следующая формула решения орфографической проблемы, которая нашла свое отражение в последней реформе:

«Наша основная задача заключается в выделении тех элементов, законов, правил, которые являются общими всем узбекским говорам, имея в виду при этом решающую роль ведущих городских говоров, в построении на этих общих законах, правилах узбекской орфографии и внесении прогрессивных элементов из других говоров в литературный язык (так, напр., форма будущего времени в хорезмском говоре) и в его орфографию».²

Формула эта нуждается, разумеется, в известных оговорках, именно в том смысле, что все возрастающее образовательное значение узбекского литературного языка становится ведущей стороной его развития. Ассимиляция диалектов будет происходить на базе единого литературного языка и единого литературного произношения, диалекты в этих условиях будут

¹ А. Хашимов. О новом узбекском языке и его орфографии. Соц. Наука и Техника, вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 36.

² Там же, стр. 37.

играть подчиненную роль и все более возрастать нормативное значение литературной речи.

Новая узбекская орфография, декретированная 13 марта 1934 г., насчитывает один год практического употребления. Несмотря на такой незначительный срок новая орфография завоевала прочные позиции в печати и школе.

Само собою разумеется, что принятая орфография не раз и не два потребует коррективов, дополнений и новых формулировок утвержденных орфографических правил, вместе с общим ходом развития литературного языка; это неизбежный процесс нормизации литературного языка, но, вместе с тем, новая реформа не дает возможности предполагать о новом издании орфографической анархии. В основном принятая орфография не оставляет места для недоразумений.

Однако в ряде случаев необходимо оговорить отдельные орфографические правила и внести окончательную ясность в формулировках.

Отдельно необходимо оговорить вопрос о факультативном гласном *ə*, который по принятым правилам обозначается в письме лишь в тех случаях, когда возможно фонематическое различие *a* и *ə* в однозвучных словах типа *bəs-bəs*, *ana-ana* и т. п.¹ Вопрос этот требует дополнительного исследования и говорить о нем заставляют наблюдения над районной печатью. В процессе внедрения новой орфографии самым устойчивым из гласных, упраздненных реформой (*ə*, *y*, *ʔ*), оказался именно *ə*, тогда как гласные переднего ряда девятигласного уклада *e*, *y* и задний *ʔ*, напротив, оказались чрезвычайно неустойчивыми.

Устойчивость гласного *ə* объясняется фонематической природой самого гласного, его фонематическим различием параллельно гласному *a*; это легко обнаруживается из практики районной печати, где ясно видно, что стойкость гласного *ə* проистекает именно из указанного обстоятельства, как об этом говорят зарегистрированные примеры: *hər*, *həm*, *esə*, *kuclər jərləridən*, *akə*, *otkən*, *korsatgan*, *bilən*, *ozigə*, *işigə*, *brigədə*, *prəvləniyə*, *əktif* и т. д.

Эта сторона дела, следовательно, требует доработки.

Наиболее принципиальным и спорным является вопрос о правописании краткого *i* в первом слоге. Ход обсуждения этого вопроса и принятая в существующей орфографии формулировка заставляют предполагать, что здесь возможны всяческие недоразумения в практике правописания.

Уже в ходе обсуждения вопроса о правописании краткого *i* обнаружилось противоречия в самом понимании вопроса.

¹ Ozbek tiliin, birlaşgan imlasi toqrisida, Taşk., 1934, стр. 11.

В первоначальном проекте новой единой орфографии узбекского литературного языка соответствующий параграф был сформулирован следующим образом: «В современном узбекском языке, в слогах, не имеющих ударения, в особенности между двух согласных в начале слова узкий „i“ не имеет семантического значения. Поэтому в орфографии данный вопрос ставится в общей форме и в первых слогах (в слогах с ударением или без ударения, в открытом или закрытом слоге — безразлично) между двух согласных „i“ не пишется. Однако в тех случаях, когда он является начальным звуком слова или не потерял своего семантического значения „i“ сохраняется. Например: *braq, blim, qliq, qsga, sra, tl, ilim, pşiq, pcaq, blindi, bldirmadi, blintirmadi; iş, işci, inaq, isiq, isit, a, Israil*...»¹

Исходя отсюда, проект предлагал «нормы построения слогов», в том числе и из двух согласных: *bl, sl* и трех согласных типа: *tns, snс* и т. д. На ряду с этим в проекте был выделен вопрос о правописании долгого «i».

Долгий *i* в первом слоге сохраняется, однако он пишется только через *i*, а не в комплексной форме (*ij*), напр., *qima* (а не *qijma*), *çiran* (а не *çijran*), *kino* (а не *kijno*)... вместо всех ранее существовавших² в узбекской орфографии долгих гласных *ij, ij (i ij, skij)* пишется только *i*.³

Как это ни странно, орфографическое правило базируется в данном случае не на реальных условиях редукции и оглушения краткого *i* в неударном слоге и фонематическом различии — *i* краткое, *i* долгое, на котором настаивает проект, а на известной сентенции об утере гласным «i» «семантического значения».

Не трудно обнаружить и источник ошибочных взглядов по вопросу о правописании краткого *i*. Авторам проекта хотелось решить этим одновременно вопрос и о правописании советско-интернациональных терминов с двумя и т. д. согласными в первом слоге и, таким образом, «узаконить» стечение согласных в первом слоге и в узбекском языке, хотя в обоих случаях фонетические условия абсолютно различны.

С одной стороны, в подтверждение соответствующего правила указывалось на якобы объективный процесс исчезновения краткого «i» в узбекском языке: «... в односложных словах гласная, соединяющая две соглас-

¹ Новый проект единой орфографии узбекского литературного языка. Ташкент, 1933, § 16, 17, стр. 12—13, *Ozbek adabi tiliin, brlasgan jad i imla lajihasi*, Taşk., 1933, стр. 11.

² В русском переводе не точно передана и несколько искажена формулировка данного параграфа (17-го) в оригинале: «Долгое» *i* в первых слогах пишется, но только не в форме сочетания и т. д.

³ Новый проект единой орфографии, стр. 13.

ных, постепенно исчезает (*bil, dil* и др.). Этот процесс усилился с усвоением интернациональных слов *front, flot, frank, trest*.¹

С другой стороны, мотивация этого правила базировалась именно на обобщении правил правописания краткого *i* в узбекском языке и советско-интернациональных терминов с начальными неслоговыми согласными. Сошлемся на Ш. Рахими, который пишет к истории вопроса: «Конференция 1929 г. вынесла неправильное решение о правописании русских и европейских слов с начальными неслоговыми согласными в соответствии с слогаобразованием в узбекском языке. Совещание при УзГНИ в 1930 г. вынесло противоположное решение, но и в первом и во втором решении мы находим недостатки в силу того, что они не дают ответа на вопрос «как пишутся иностранные слова?» и не распространяют этого правила на собственно узбекские слова. Бригада УзТермикома в 1932 г. выправила эти недостатки. Бригада рассмотрела этот вопрос, как общий. Подобно тому как и в иностранных словах, и в узбекских словах возможно стечение двух согласных в начале слова, и во всех случаях между ними нет надобности писать краткий гласный: *blim, tlak, blan* и т. д.

Январское совещание 1933 г. в Москве решило также, что: «В узбекском языке в нынешнем его положении необходимо орфографически узаконить факт наличия двух согласных в начале слова».²

Ясно, что подобного рода мотивация является неверной в научном отношении, ибо подменяет вопрос об условиях редукции и оглушения неударенного, краткого *i* в узбекском языке соображениями о правописании начальных неслоговых согласных, не свойственных узбекскому языку. Это обстоятельство является тем самым источником орфографических недоразумений на практике.

Существо дела заключается в том, что в ряде говоров, в ташкентском в первую очередь, сверхкраткий узкий *i* характеризуется неустойчивостью и способностью к оглушению и редукции в положении между глухими согласными в неударенном слоге. В ташкентском говоре возможна полная редукция сверхкраткого *i* даже в ударенном слоге, именно как результат редукции неустойчивого краткого узкого гласного, напр. *cş (tş,) br* и пр. В «сингармонистических» говорах и в самаркандском краткий узкий *i* обладает большей устойчивостью и отличается количественно и качественно от изменчивого *i* ташкентского типа.³

¹ А. Хашимов. О новом узбекском языке и его орфографии. Соц. наука и техника, вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 35.

² Ёмла материаллари, I, Тошк., 1933, стр. 8.

³ Ср. Е. Д. Поливанов, Образцы несингармонистических говоров узбекского языка. Докл. Акад. Наук, № 14, 1928, стр. 308—309.

С точки зрения конкретно данных условий произношения краткого *i* и следует, разумеется, мотивировать соответствующее орфографическое правило о правописании *i*. Вопрос о стечении неслоговых согласных в начале и конце слова есть вопрос иного порядка и подлежит отдельному рассмотрению в орфографии.

В принятой ныне орфографии вопрос о правописании краткого *i* подвергся некоторому пересмотру и трактуется с точки зрения слогообразования и слогаделения и, отчасти, некоторых морфологических признаков аффиксации в узбекском языке. Соответствующее правило гласит: «В нашем языке невозможны слоги без гласных звуков. В нашем языке возможно стечение двух согласных, при присоединении приставок, корень (слова) не должен оставаться без гласного звука: *braq, blan, tla, tlak, tladi, sna, snaq, snadi, snajdi, blal, sraq, bradar, qtiq, qtiqlamaq, tra, trak, tradi, sla, sladi, slamajman, zrak, zojir, zojirdaj, cniq, cniqqan, cniqadi, cniqsa, traktor, proletar, qjinciliq, gvardija, Stalin*, и т. п. Но в словах типа *qilaman, bilaman* *i* начального слога не опускается в письме. Хотя слоги подобного типа по своему строению представляются одинаковыми со всеми (приведенными выше) правилами (слогообразования), но при опущении приставок корни могут оказаться без гласного (*bl, bladi* и т. п.). В силу этого такие слова во всех случаях пишутся с *i* (*qil, bil, qilaman, bilaman* и т. д.).¹

Не трудно убедиться в том, что и в данном случае формулировка орфографического правила не решает вопроса о правописании краткого *i*, напротив того, введенный морфологический критерий затрудняет орфографические навыки, создавая новые предпосылки ошибочных написаний слов с кратким *i*.

Практические результаты еще более ярко свидетельствуют о неубедительности принятых орфографических правил о правописании *i*. В орфографическом словаре Узтерминкома, который напечатан ныне,² как правило *i* в первом слоге опущен: *hlal, Hmalaj taoqlari, hmaja, hqa, hqab, hsab, qsqa, cziq, cda, cdam, cdamli, cldirma, c'gi, clvircan, clakcilik, crqan, crkin, cdaş, cdaşış, gjin, vlajet, hkaja* и т. п. В республиканской газете «*Qzil Ozbekstan*» точно так же гласный *i* в первом слоге, как правило, опускается: *nşan, Nşanov, Crciq, Sjasat, çnojat, çnajatcilar* и т. п. не всегда последовательно, правда, ибо сплошь и рядом можно найти написания и с *i* типа *Circiq, birinci* и т. д., но всегда без учета установленных правилом морфологиче-

¹ Ozbek tiliniaz birlasgan imlasi toqrisida, Taşkent, 1934, § 8, стр. 15—16.

² См. S. Ibrahim, M. Rahman, A. T. Xoçaxanov va Ş. Rahimi, Ozbek tilinij imla luqati, Taşkent—Samarqand, 1935.

ских границ и границ слогообразования, напр.: *nşan*, *Nşanov*, *blamiz*, *blaman*, *qlamiz* и т. п. Характерно, что в газете правило о правописании краткого *i* естественно распространяется на *i* и не в первом слоге и на редуцированный неударный *e*, который в результате сужения и редукции рассматривается как краткий *i*, напр. *adl*, *a'llik*, *ajb*, *Engls*, *Intrnasional*, *tupşra* и т. п.

В областной и районной печати, насколько это удалось проследить по газетам: «Kolxoz joli», «Bolşevik joli», «Paxta fronti», «Bolşevik kolxozlari uchun», «Buxara proletari», «Zarbdar», «Inqlab qujaşi», в смысле реализации правила о кратком *i* царствует разнობой полнейший, в одном столбце сплошь и рядом можно встретить два различных написания одного слова и с кратким *i* и без *i*: *hisabat*, *har biriga*, *bilan*, *qiliş*, *qışlaq*, *sifat* и *hsabat*, *blan*, *qliş*, *qşlaq* и т. д.

Отсюда можно заключить, что соответствующее правило требует пересмотра.

Правило о правописании краткого *i* обосновывается принципами слогообразования и слогоделения в узбекском языке без всякого учета того простого факта, что этим правилом нарушаются основы слогоделения в узбекском языке. В самом деле, коль скоро правило основано на декретировании возможности стечения согласных в начале слога, тем самым признается, что согласный с кратким *i* не образует слога, двусложные слова: *hī-sab*, *qīs-qa*, *ī-da*, *cīl-dīr*, *cīl-gi*, *cī-daş*, *cī-dam*, *cī-ran* превращаются в односложные: *hsab*, *qsqa*, *cda*, *cldir*, *clgi*, *cdaş*, *cdam*, *cran* и т. д. независимо от того, что это противоречит основам слогоделения в узбекском языке. Преподаватель родного языка должен особо объяснить школьникам, что понятие слога в узбекском языке отлично от общепринятого в языковедении и что, напр., слово *qsqart* — односложно только в силу особенностей узбекской орфографии и т. д.

Резюмируя сказанное, необходимо сказать, что в принятой узбекской орфографии правило о правописании краткого *i* требует пересмотра, ибо оно противоречит фонематическим принципам письма и является источником недоразумений.

Краткое *i* должно обозначаться в письме с соответствующими разъяснениями о природе этого звука, комбинаторных вариантов его произношения, условиях оглушения и редукции, имея в виду при этом и устойчивый характер краткого *i* в ряде узбекских диалектов. Вопрос же о правописании заимствованных слов и советско-интернациональных терминов с начальными неслоговыми согласными необходимо выделить в орфографии особо.

Вообще необходимо признать, что в принятой узбекской орфографии вопросам правописания заимствованных слов и советско-интернациональных терминов уделено слишком мало внимания. Шесть соответствующих параграфов (24—30) не разъясняют существа дела и в достаточной мере не обоснованы.

Решение о правописании краткого *i* вовсе не снимает вопроса о стечении неслоговых согласных в одном слоге и до сего дня остается «больным» местом узбекского правописания. В практике неслоговые согласные разделяются, вслед за произношением, гласным: *birgadir* — бригадир; *konkure* — конкретный; *administirsija* — администрация; *arbitiraz* — арбитраж; *ansambel* — ансамбль; *Amistirdam* — Амстердам; *dirama* — драма; *direktiris* — директриса и т. д.

В орфографии должны быть оговорены фонетические предпосылки правописания заимствованных слов и советско-интернациональных терминов, хотя бы, например, явление редукции неударенных гласных в многосложных словах, сужение и по существу чрезвычайно закрытого *e* в результате слабого ударения (или мягкости предшествующего согласного, как в татарском *şin*). Неударенное *e* в результате сужения, вслед за произношением и в письме, постоянно передается в заимствованных словах через *i*, даже в упомянутом орфографическом словаре были отмечены эти случаи в массовом масштабе, напр.: *diginirat* — дегенерат; *dipo* — депо; *diportament* — департамент; *dikabrist* — декабрист; *dikoratsija* — декорация; *diligat* — делегат; *disant* — десант; *dilitant* — дилетант; *dipulat* — депутат; *magnitizm* — магнетизм; *cimpion* — чемпион; *adris* — адрес; *adrisat* — адресат; *agrigat* — агрегат; *atistat* — аттестат; *disatnik* — десятник; *apartament* — апартамент; *apilatsija* — апелляция и т. п.

Узбекская орфография обходит вопрос о редукции гласных, в частности *o*, в неударенных слогах многосложных слов, хотя и отмечает бегло, что: «русско-европейское *o* в словах, вошедших в наш литературный язык, во всех случаях передается через *o*. Если даже в таких словах и произносится *a*, в письме сохраняется единообразие: *sotsial*, *bolşevik*, *kommunist*, *koll gija*, *komsomol*, *hegemonija* и т. п.»¹

• Здесь необходимо должен быть отмечен момент акцентуации в многосложных словах, откуда явствовала бы и самая закономерность чередования неударенного *o* — *a* в произношении. Между тем и в республиканской и в областной и районной печати замена неударенного *o* в письме через *a* явление весьма распространенное, напр.: *avtabus*, *avtamat*, *avtabiografiya*,

¹ Ozbek tilinin, birlaşgan imlasi . . . , Taşk., 1934, § 24.

avtamobil, avtanomijá, agraindustrial, afarizm, kompazitor, límanat, despótizm, diagnáz, paraşok и т. д. и т. п. вместо соответственных: автобус, автомат, автобиография, автомобиль, автономия, агро-индустриальный, афоризм, композитор, лимонад, деспотизм, диагноз, порошок и т. д.

В связи с акцентуацией необходимо поставить вопрос специально о родовых окончаниях в заимствуемых словах и советско-интернациональных терминах, ибо этот вопрос является также немаловажным вопросом узбекской орфографии.

Многосложные заимствуемые слова и советско-интернациональные термины с конечным открытым неударенным слогом теряют в узбекском произношении конечную неударенную гласную в *Auslaut'e* или конечный неударенный слог в целом, как это видно из следующих примеров:

aksióm — аксиома,

gazét — газета

foném — фонема

Varşáv — Варшава

kvarţír — квартира

minút — минута

Odéss — Одесса

smén — смена

diagrám — диаграмма

prográm — программа

telegrám — телеграмма

milísa — милиция

kvitansa — квитанция

stansa — станция

Danij — Дания

minonós — миноносец.

В косвенных падежах заимствованные существительные с усеченным конечным безударным слогом или конечной безударной гласной рассматриваются как все узбекские существительные с конечным согласным: *ga:e-tida* — «в газете», *gazetiniñ* — «газеты»; *Stalinniñ, telegrami asasida* (Q. Ozb.) — «на основе телеграммы Сталина» и т. п.

Но на ряду с этим или в результате контоминации конечной гласной заимствуемого слова и «разделительной» гласной, разделяющей стечение согласных на конце слова в узбекском языке, или вследствие литературного характера заимствования, в письме сплошь и рядом сохраняется конечный безударный слог и безударная гласная: *gazeta jardi mi bilan* (B. P.) — «при помощи газеты»; *Katta programma dir* — «есть великая программа...» (Q. Ozb.) *va Stalin joli gazetalari* — «газеты „Кызыл Узбекистан“ и „Сталинский путь“...» и т. д. В ряде случаев конечная безударная гласная сохраняется в произношении и в письме при существительных в Nominativ'e и Genitiv'e, а в Dativ'e, при наличии ударенного падежного аффикса, усекается, напр.: *fabrikanin, jolinda* — «на пути фабрики»,

biznin, fabrikada — «на нашей фабрике», но *fabrikka kirib ishlaydi* — «работает, поступив на фабрику» и т. п.

Модификация окончаний в результате перегласовки внутри слога типа: *spiska* — «список», *ucastka* «участок» и пр. объясняется также слабостью ударения на конечном слоге, который при склонении противостоит принимающим на себя ударение падежным аффиксам, в силу чего вслед за переносом ударения в слове ударение на конечном слоге слова еще более ослабляется и следует перегласовка внутри слога: *Spisok-spisöklár* — *spisöknin* → *spiskalár* — *spiskanin* и т. п. С другой стороны, стечение двух согласных на конце слова вызывает появление гласного под воздействием согласных грамматических аффиксов, это «гласная — разрядка» устраняет дальнейшее стечение согласных, не свойственных узбекскому языку, напр.: *sturma* «штурм»; *kioska* — «киоск»; *kioskaci (kioskci)* — «продавец в киоске»; *Lodze* — Лодзь и т. п. На ряду с этим существительные на *ы* в русском (или *о*) меняют в узбекском окончание на *а*, напр.: *konserva* — консервы, *manevra* — маневры, *Afina* — Афины, *pima* — пимы, *maestra* — маэстро и т. п.

Чрезвычайно большой лингвистический интерес представляют факты заимствования окончаний русских прилагательных. В процессе заимствования элементами, заимствуемыми из других языков, являются по преимуществу имена существительные. Замечательно поэтому, что в процессе устного заимствования русские прилагательные в первую очередь усваиваются в значении существительных, напр.: *konni* — «конный милиционер», *konnilar* — «конная милиция», *starşi* — «старший милиционер», *voenni* — «военный, военнослужащий», *komerceskij* — «коммерческий магазин» и т. п. Это движение прилагательных не абсолютно, разумеется, и с одной стороны усиливается вместе с активизацией устного общения и заимствованием прилагательных, как таковых, в словосочетаниях, напр.: *texniceskij katibları* (В. Р.) «технические секретари»; и т. п., а с другой стороны узбекским существительным-прилагательным по своей синтаксической функции: *raboci ailasida tuqulogan* — «родился в рабочей семье»; *burjuazijg 'idiologiasi* — «буржуазная идеология» и т. п. К прилагательным новообразованиям: *şablon xarakteristika* (В.) — «шаблонная характеристика»; *konkret takliflar* (В. Р.) — «конкретные предложения» и т. п.

Темпы заимствования и в устной и в литературной форме чрезвычайно усилились. В процессе заимствования намечается определенная тенденция к частичному преодолению чисто фонетических препятствий в усвоении родовых окончаний и в случаях, отмеченных выше, и сохранению родовых окончаний и на узбекской почве, напр.:

skamejka — скамейка*brigada* — бригада*gazeta* — газета*kategorija* — категория*milisija* — милиция*obtocka* — обточка*depo* — депо*zveno* — звено*qursi* — курсы*kartocka* — карточка*publitsistika* — публицистика*gruppa* — группа, и т. д.

В какой мере нормализуется орфографически усечение конечных безударных слогов и безударных гласных и в какой мере фиксируются окончания русских прилагательных типа: *komercialskij, voennij, kontrolnij, texniceskij, starši* (ср. *Cernamorij* — «Черноморье») и т. п. . . ? В какой мере необходимо нормализовать подобного рода явления?

На эти вопросы принятая узбекская орфография не дает ответа, а необходимость в соответствующем толковом разъяснении фонетических явлений, связанных с особенностями акцентуации совершенно очевидна. Целый ряд фактов придется перенести из этой области в орфографические справочники и словари, но общая формулировка явлений редукции гласных в произношении должна войти в состав правил единой узбекской орфографии.

Из области, связанной с фонетикой и орфографией заимствованных слов и советско-интернациональных терминов, заслуживают внимания вопросы правописания русских иотированных гласных *е, ю, я* и мягких согласных.

Принятые формулировки совершенно недостаточны и не могут служить критерием для правильной передачи русских иотированных гласных и мягких согласных. Существующие правила упрощены и в силу этого абстрактны, именно:

с) «русские слова, пишущиеся с «ѐ» в начале слога, пишутся через *jo* (а в некоторых случаях и через *o*),

с) русское *ю* в начале слога пишется через *ju*, а в середине слога пишется иногда также через *u*: *jurist, bjurokrat, manikur* и т. п.

д) русское *я* в начале слога пишется через *ja*, в некоторых именах через *ja* и в конце слова, а в середине слога пишется также и через *a*: *jašik, Galja, knaz* и т. п.»¹

Приведенные правила не дают никакого представления ни о природе русских иотированных гласных, ни об особенностях правописания этих гласных вообще. Между тем, гласные *е, ю, я* в русском языке графически выражают либо «мягкость» (палатальность) предшествующего согласного

¹ Ozbek tilinin, birlaşgan imlasi . . . , Task., 1934, стр. 23.

перед соответствующими гласными *o*, *u*, *a*, либо самодовлеющий среднеязычный согласный *j* перед теми же гласными, т. е. *jo*, *ju*, *ja*. Отсутствие в узбекском языке фонематически выраженной разницы «мягкости» и «твердости» согласных, типа русских: пыл — пыль; стол — столь; рад — ряд; сот — соть и т. д. вовсе не снимают вопроса о такого рода разграничении и в узбекской орфографии, ибо как раз «мягкость» согласных в практике вызывает оговорки и не требует большей частью особого среднеязычного согласного *j* следом за палатальными согласными, именно:

kna:z — князь
atrad — отряд
sentabr — сентябрь
slot — слет
Bogolubov — Боголюбов
Surix — Цюрих
Anri Barbus — Анри Барбюс
budzet — бюджет

manikur — маникюр
debut — дебют
avantura — авантюра
Munxen — Мюнхен
Milutin — Милютин
Celuskin — Челюскин
Fon-Bulov — Фон-Бюлов
Brussel — Брюссель, и т. д.

При таком разграничении, напротив, необходимы были бы оговорки по поводу написаний типа: *bjuro*, *bjurokrat*, *amjoba Galja*, *burjat* и т. п.

Меньшее значение, может быть, имеет вопрос о правописании в заимствованных словах гласного *u* параллельно губно-губному *v* и русскому губно-зубному *u*, но и в этом случае написания типа: *auditorija* и *avdetorija*, *Avistirija* и *Austiralija*, *avksion* и *auksion* и т. п. заставляют желать разъяснения в принятой орфографии.

С точки зрения фонетических предпосылок правописания заимствованных слов и советско-интернациональных терминов принципиальное значение имеет в узбекской орфографии параграф о согласных *h* и *g*, именно: «заимствованные слова с европейским *h* пишутся не через *g* как в русском, а через *h*: *Henrix*, *hegemonija*, *hektar* и т. п.»¹

Возражения против этого этимологического по существу принципа мною были сформулированы в предисловии к словарю иностранных слов, вошедших в узбекский язык, составленному А. Амири. И устная и литературная форма заимствования слов с «европейским *h*» имеет в массе своим источником современный русский литературный язык, и практика заимствования европейского *h*, кстати сказать начатая в период 1905—1917 гг., сигнализирует о некотором разрыве произношения и орфографии и вообще спорности принятого этимологического принципа, хотя бы в слу-

¹ Ozbek tilinin birlasgan imlasi..., стр. 24.

чаях таких этимологий, как «галстук» из нем. Hals — шея и tuch — косынка, платок, Buch-halter бухгалтер и т. п., или hektar и в принятом сокращении *га*. Следование «европейскому» источнику предполагает ненужную осведомленность об особенностях французской, английской и т. д. орфографий и даже следование чуждой орфографии в таких случаях, как франц. Hallebarde русск. «алебарда», франц. Hangar русск. «ангар», франц. Hanse — русск. «Ганза», франц. Harpe, русск. «арфа», франц. Herbier, нем. Herbarium, русск. «гербарий», нем. Homöopathie, русск. гомеопатия, франц. Hierarchie, русская иерархия, франц. Hiéroglyphe, русск. иероглиф, франц. Humanitaire, русск. гуманитарный и т. д. и т. п.

Что такого рода затруднения в орфографии заимствованных слов с европейским *h* имеются, свидетельствуют принятые написания, напр. *heroglif*, *hijaroglef*, *hidraplan*, *gidrotextnika*, *Gerin*, (нем. Höhring) и т. д.

Приведенные замечания далеко не исчерпывают проблем узбекской орфографии. Чрезвычайно сложная морфологическая структура узбекского языка требует, особенно на современном этапе развития узбекского литературного языка, тщательной разработки морфологических элементов правописания; между тем надо признать, что именно эта сторона принятой орфографии является наиболее неразработанной и несистематизированной.

Совершенно исключительное место, например, занимает в узбекской орфографии вопрос правописания сложных существительных. Процесс словообразования на современном этапе знаменует, это можно смело утверждать, известные сдвиги в языковом мышлении. С одной стороны, новые понятийные представления, с другой — калькирующее восприятие новых семантических единиц из новой языковой среды, — буквально перестраивают традиционные формы языкового мышления и, следовательно, восприятие языковых фактов.

Так новой узбекской орфографии приходится считаться с фактом фонетической деформации, которая сопровождает в живой речи процесс семантического обособления, например, сложных глагольных форм. Видовые оттенки узбекский глагол образует посредством ряда вспомогательных глаголов, которые приносят известные описательные признаки и первообразное значение спрягаемого глагола. Таким образом глаголы совершенного вида в узбекском языке по составу непременно сложны, образуясь с помощью вспомогательных глаголов, теряющих в этой функции свое первообразное значение. На ряду с этим вспомогательные глаголы выражают целый ряд иных функций, образуя категорию воз-

возможности действия (глагол *al* — брать, взять) и т. д. Такого рода сложные по составу глаголы отнюдь не воспринимаются аналитически, например:

aldi — взял

alib qojdi — отобрал (взяв оставил)

alib bardi — унес, увез (взяв пошел, поехал)

alib keldi — принес, привез (взяв пришел)

alib ciqti — вынес (взяв вышел) и т. д.

Противоречие содержания и формы ведет к фонетической деформации, к своего рода морфологической эмфазе: *arqojdi* — отобрал, *abardi* — увез, унес, *apkeldi* — принес, *apciqti* — вынес и т. д.

Принятая узбекская орфография справедливо нормализует ряд подобных явлений, следуя живому произношению: «...получившие в нашем живом языке сокращенную форму сложные глагольные формы, выражающие единое значение, пишутся слитно: *jazaber-jazaver*; *qojaqal*, *alaqal*, *baralmajdi*, *koralmajdi* и т. п.

«На ряду с этим *alib kel*, *ketar emiş*, *jazar ekan*, *barar edi*, *alibtuş*, *barib edi* и т. п. сложные по составу глаголы пишутся отдельно, но появившиеся их усеченные формы типа: *apkel*, *ketarmiş*, *jazarkan*, *barardi*, *aptuş*, *baruvdi* пишутся в таком виде слитно».¹

Видимо предстоит соответствующие параграфы о правописании глаголов сформулировать в более категорической форме.

Характерно, что слитное написание сложных по составу форм глагола ставится в прямую связь с сложными существительными и их правописанием.² Процесс образования сложных существительных настолько убедителен, что правописание глагола и числительных подчас базируется на аналогии с так называемыми сложными существительными.

Между тем факты образования сложных существительных, чрезвычайно многообразный процесс возникновения новых понятийных единиц едва ли могут быть сейчас обобщены и исчерпывающе объяснены, ибо мы можем сейчас указать лишь на определенные тенденции, на появление все новых и новых форм образования сложных существительных в рамках современной стадии развития языка.

Самая постановка вопроса о сложных существительных знаменует новую стадию языкового мышления, развития языка. В национальных языках Советского Союза, в узбекском языке в частности, происходит

¹ Ozbek tilinin, birlaşgan imlası... стр. 19.

² Там же, § 12, стр. 19.

процесс усвоения огромного количества новых понятий, их образования средствами родного языка. На этой почве разрешаются противоречия формы, данной в языке, и существа новых понятий, ломающих форму, утверждающих форму в новом аспекте. Стоит вдуматься глубже в сущность ряда новых слов, терминов и словосочетаний и мы легко установим несоответствие с точки зрения их формально-грамматических элементов. Так *kasaba soʻjuz*, — «профессиональный союз», с точки зрения формально-грамматической отнюдь не идентичен содержанию, коль скоро *«ḳsaba»* — «ремесленник», «кустарь», «профессионал» не есть имя прилагательное и следующее за ним существительное, в данном случае формально не может быть не оформленным местоименно-притяжательным аффиксом, по типу: *kasaba soʻjuzi*, *kasabalar soʻjuzi*, *kasaba soʻjuzlari* и т. п. Термин *qislaq xoʻjalig* — «сельское хозяйство», «хозяйство села», опять-таки формально грамматически, требует оформления существительного *xoʻjalig* местоименно-притяжательным аффиксом подобно аналогичному *sahar xoʻjaligi* — «хозяйство города», «городское хозяйство».

Известное отступление от правила в данном случае объясняется тем, что *qislaq xoʻjalig* употребляется обычно в словосочетаниях в значении имени прилагательного *qislaq xoʻjalig saligi* — «сельскохозяйственный налог», *qislaq xoʻjalig bankasi* — «сельскохозяйственный банк» и т. д. В этой функции прилагательного *xoʻjalig* как существительное утратило грамматическую свою форму отношения к определению-дополнению.

Нет сомнения, что в образовании сложных существительных в узбекском языке громадную роль играет калькирующее восприятие новых семантических представлений, напр.: встречающееся слитное написание *baʃmaqala* — «начальная (передовая) статья», под воздействием русского «передовица»; *qizilaskar* — «красноармеец», *qizilbayraqli* — «краснознаменный» (ая) и т. д.

Узбекский язык не знает краткой формы прилагательных и соединительных гласных; таким образом границами словообразования сложных существительных остаются: акцентуальная характеристика слов и семантический критерий. Понятийная сторона является, несомненно, ведущей предпосылкой образования сложных существительных; семантика, понятийное восприятие буквально толкает на путь образования сложных существительных, создавая постоянное противоречие формы и содержания в словосочетаниях такого рода, как, напр., *azmillat* — «национальное меньшинство», «нацменьшинство», *oz ara tanqid* — «самокритика», *xalqara* — «международный», *ozahani* — «самосознание», «само (свой) сознание», *ozbelgilas* — «само-

определение» и т. д. Форма во всех случаях наполнена новым содержанием, создана именно в целях выражения новых понятийных единиц.

Наблюдения над узбекской лексикой за последний ряд лет говорят об углублении процесса образования сложных существительных и, отсюда, усилении тенденции в орфографии к слитному написанию их.

Характерно, что первоначальный проект новой узбекской орфографии предусматривал слитное написание лишь имен собственных: «Сложные имена собственные, потерявшие или теряющие самостоятельное значение, дающее понятие только об одном предмете, пишутся слитно: из двух имен: *Taşkent, Srdarja*, из прилагательного и существительного — *Aqqorojan, Srlimacit*, из существительного и глагола — *Qarjaojdi, Sajkeldi*, из трех слов *Gultaçi xoraz, Haqqulavat*. . .»¹

Через небольшой сравнительно промежуток времени это орфографическое правило было расширено далеко за пределы имен собственных. Принятый ныне проект орфографии гласит: «Сложные слова, выражающие одно понятие (значение), потерявшие раздельное значение и слившиеся в нашем живом языке, следует писать слитно, ориентируясь не на историю, а на теперешнее состояние языка:

а) образование из двух существительных: *Taşkent, Sirdarja, Almata, Avlijata* и т. п.

б) из прилагательного и существительного: *Aqqorojan, aksaqal, Ortasiya* и т. п.

с) из имени и глагола: *Qarjaojdi, Sajkeldi* и т. п.

д) из трех слов: *Gultaçixoraz, Haqqulabad* и т. п.»²

Однако принятое решение, декретируя слитное написание сложных существительных, подводит под понятие «сложных слов» чрезвычайно широкое, неустойчивое определение, что привело на практике к непоследовательности и произвольности в правописании сложных существительных. Слитное написание распространяется подчас на словосочетания, стоящие за пределами понятия сложного слова, и даже более того, например, в подготовленном в свое время к печати бригадой работников Узтерминкома орфографическом словаре двузначные и многозначные числительные рекомендовалось писать слитно: *birjuzaltmişikki, birjuzellik* и т. д.

Предпосылки слитного написания так называемых сложных существительных коренятся действительно в их семантической природе и реали-

¹ Новый проект единой орфографии узбекского литературного языка, Ташкент, 1933, § 19, стр. 14.

² Ozbek tilinin birlaşgan imlasi. . ., § 11, стр. 18—19.

зуются в рамках синтаксического способа словообразования, точнее — в рамках синтетичности, в структуре узбекского языка.

Но указания только на понятийное содержание сложных слов для решения вопроса об их слитном или раздельном написании далеко, разумеется, недостаточно. Сложность проблемы правописания сложных существительных заключается в многообразии способов их образования, причем ясно, что не всякое сочетание «из двух существительных», «прилагательного и существительного», «из имени и глагола» и «трех слов» (со всеми приведенными оговорками об их едином значении и пр.) совпадает с границей слова и семантической и акцентуальной. Границы понятия слова и единого значения весьма и весьма условны и не всегда, понятно, сложные слова, «выражающие одно понятие и потерявшие раздельное значение», совпадают с границей слова, типа русских: «носовой платок», «львиный зев», «анютины глазки», «Иван-да-Марья», «дождевой плащ», «перочинный ножичек», «Нижний Новгород», «Ростов-на-Дону» и т. д. Прибавим к тому же, что в так называемых сложных словах каждое из них в отдельности только относительно «теряет свое значение» или, употребляя философский термин, снимается в новом значении.

Что же представляют собою типы сложных существительных в узбекском языке?

1. Обратимся к сложным словам из «двух существительных». В первую очередь к сложным словам этого типа необходимо отнести существительные собирательные или интенсивы, повторением однозначных слов (реже не однозначных) образующих собирательное значение или усиливающих первоначальное значение слова: *bala-saqa* — «семейство», «ребятишки»; *aqaj-ini* — «братья», «родня»; *jer-suv* — «владение», «участок»; *aziq-a'qat* — «провизия», «провиант» и т. п.

Этого типа сочетания существительных представляют собою, вероятно, архаический способ образования множественного числа, существительные, образующие их, стоят параллельно друг другу, подобно приложению, второе существительное никакого грамматического отношения к предшествующему существительному не выражает.

2. Наиболее существенный для нас интерес представляют сочетания двух существительных, из которых каждое в отдельности теряет свое значение в новом едином значении.

Едва ли можно согласиться с той мыслью, что этого рода сложные слова суть сочетания двух существительных, из которых первое является атрибутом по отношению ко второму, синтаксически выражая функцию

прилагательного-определения. Неверно также утверждение о типологическом единстве этого рода сложных существительных.

Формально-грамматически сложные слова из двух существительных не отличаются разнообразием форм, перед нами или два существительных в неоформленном (именительном) падеже, или в этой же комбинации второе существительное оформлено частицей отношения (местоименно-притяжательным аффиксом). По существу же и генетически мы имеем дело с определенным многообразием форм образования так называемых сложных слов.

Начать с того, что в группе сложных существительных мы не находим атрибутивных отношений между двумя существительными, напр.: *alavkurak* — «совок», «совок для углей», *alav* — «огонь», *kurak* — «лопата», — но «огненная лопата», невозможно; *aşqazan* — «котел для варки пищи», *aş* — «еда», *qazan* — «котел», но не «пищевой котел» и т. д.

Здесь нет атрибутивных отношений и невозможно поэтому «подставить» их формальными средствами, путем усиления атрибутивных функций первого существительного.

Сложные слова этого рода суть предложения «в снятом виде», так сказать, и в них доминирует предикативный элемент; *alav-kurak* из развернутого *kurak-alav (ucun)* *kurak (dir)* — «лопата» — «(для) огня лопата (есть)» и т. п.

Диалектика образования сложных слов в том видимо и заключается, что, вообще, атрибутивные отношения в них суть особого рода атрибутивные отношения, ибо и прилагательные в сложных словах несут особую нагрузку, относя выражаемое ими свойство к определяемому за пределами относящегося к ним непосредственно существительного.

1) Таким образом мы выделяем группу, условно предикативных сложных существительных, сочетания которых обнаруживают отношения членов предложения — дополнения-подлежащего (именной части сказуемого) без помощи падежей и послеслогов, выражая этим отношением, синтаксически а) цель, назначение; в) сравнение, сопоставление: *alavkurak (alav-kurak)* — «совок для углей»; *qolqap (qol-qap)* — «рукавицы»; *belbaq (bel-baq)* — «пояс», «кушак»; *bojunbaq (bojun-baq)* — «галстук»; *nasqavaq (nas-qavaq)* — «табакерка» (для насвая); *aşqazan (aş-qazan)* — «котел»; *aşqavaq (aş-qavaq)* тыква; *aşpacaq (aş-pacaq)* — «кухонный нож», «нож для приготовления пищи»; *kozajnak (koz-ajnak)* — «очки»; *egartoşak (egar-toşak)* — «поседельник»; *qalamqaş (qalam-qaş)* — «прямобровая»; *atqulaq (at-qulaq)* — «конский шавель»; *qoziqolaq (qozi-qolaq)* — «щавель»; *ituzum (it-uzum)* — «волчья ягода»; *ilanbalig (ilan-balig)* — «вьюн» (рыба) и т. д.

2) Что же касается группы сложных слов из двух существительных, из которых второе оформлено аффиксом отношения, то приходится признать, что понятие «сложного слова» едва ли можно безапелляционно распространить целиком на этого рода сочетания существительных, ибо они как раз в наименьшей мере подходят под определение «сложных слов, выражающих одно понятие, потерявших раздельное значение».

Грамматические отношения двух существительных в подобного рода сочетаниях таковы, что как раз раздельное значение необходимо определяет связь их между собой, ибо грамматические отношения их суть отношения дополнения к подлежащему, формально выраженные без посредства косвенного (родительного) падежа, с помощью аффикса отношения (местоименно-притяжательного аффикса). Иными словами эти отношения выражают грамматические отношения данного существительного к другому, как отношения двух самостоятельных слов. Поясним это на примере: *iş kun-i* «рабочий день», принято рассматривать как сложное слово, но уже образование множественного числа: *iş kun-lar-i* обнаруживает то обстоятельство, что мы имеем дело не с одним сложным словом, а с двумя, причем в косвенных падежах и их акцентуальные границы выделяются еще более: *iş kun-lar-i-dá*, *iş kun-lar-i-nin* и т. д. Только в тех случаях, когда мы имеем дело с известными персонифицирующими значениями, сочетания существительных этого рода субстантивируются семантически, типа: *jüzbaşı* — «сотский», *qaravulbaşı* «начальник караула», образуя и множественное число соответственно: *jüzbaşı-lar*, *qaravulbaşı-lar* и т. п.

Таким образом сочетания двух существительных с аффиксом отношения мы выносим за пределы понятия сложного слова, выделяя как особый тип сочетаний существительных с аффиксом отношения: *koz jaşı* — «слезы»; *iş kun-i* «рабочий день» (день работы); *iş haqı* — «заработная плата» (плата труда); *ılan ıxı* — «змеиный след»; *kurlaka sallası* — «гриб» (*чалма* лягушки); *Oral kolu* — «Аральское озеро» и т. д.

Исключением являются отмеченные выше персонифицированные сложные существительные.

3) Самой значительной группой сложных слов, существительных и прилагательных, является группа атрибутивных сочетаний имен.

Особенностью этого рода сочетаний имен, как было отмечено выше, является двоякая функция определений (прилагательных, существительных). Определения в этого рода сложных словах относят выражаемое ими свойство (атрибут) к определяемому за пределами относящегося к ним цело-

средственно существительного, создавая особый тип сравнения или метафоры, или субстантивированное прилагательное, т. е. прилагательное в значении существительного.

В самом деле, в сочетаниях: *korşapalak* (*kor-şapalak*); *alapocaq* (*alapocaq*); *qizilıştan* (*qizil-iştan*) и т. п., прилагательное в каждом отдельном случае, будучи определением следующего существительного, одновременно и не есть определение, ибо метафорически переносит признак на название третьего имени:

koş-şapalak — (слепая бабочка) = «летучая мышь»

ala-pocaq — (пестрая корка) = «дыня» (особый сорт).

qizil-iştan — (красные штаны) = «дядя» и т. д.

Еще более убедительно этот метаморфоз атрибута можно показать на следующем примере: в выражении *qara qalpaq kiydim* — «я надел черную шапку» прилагательное *qara* есть определение к *qalpaq* — т. е. «черная шапка», в названии: *qaraqalpaq* — «каракалпак» — определение снято, так сказать, в новом лексическом значении.

Отсюда можно заключить, что вообще атрибутивные сочетания имен создают просто новое прилагательное, новый сложный, так сказать, признак. С этим выводом можно согласиться в той мере, в какой признак существительного может быть отнесен к третьему имени: *qisiq koç* не «узкие глаза», а «узкоглазый», *suruk koç* не «кокетливые глаза», а «кокетливоглазый» и др.

Отсюда функции определения: *qisiq koç adam*; *qara jurak adam* и т. п. и тенденция усилить этого рода сочетания имен аффиксами образования прилагательных и отвлеченных существительных: *raxmaq sacli*, *ala koçli*, *qara juraklik*, *sadda dillik* и т. п. Этой тенденции, в свою очередь, противостоит тенденция субстантивации прилагательных, т. е. превращение прилагательных в существительные по значению: *qaraxalq* — (простой, черный народ) — «простонародье», *qarabulut* (черное облако) — «туча»; *qaratorpaq* (черная земля) — «чернозем» и т. д.

Следовательно в тех случаях, когда прилагательное (или существительное в функции определения) является определением только следующего за ним и относящегося к нему существительного с самостоятельным значением, говорить об этом рода сочетаниях, как о сложных словах, незаконмерно. Сочетания типа: *qizil askar*; *qizil partizan*, *Orta Asiya*, *Orta asr*, *Orta deniz*, *orta maktab*, *Qizil Qoşun*, и т. д. и т. п. отнюдь не являются сложными словами. Здесь во всех случаях прилагательное определение остается таковым, т. е. остается одним из возможных

признаков существительного, равно как и в тех случаях, когда новые признаки изменяют видовое лексическое значение первообразного существительного: *qaroja* — «ворона», *qara qaroja* — «черная ворона»; *ala qaroja* — «пестрая ворона»; *kok qaroja* — «сизая ворона», «сизоворонка» и т. д., исключение составляют случаи, когда видовое значение снимается новым лексическим значением: *aqquş* — (белая птица) — «лебедь»; *qaraquş* — (черная птица) — «коршун» и т. д.

4. Следующая группа сложных слов может быть названа группой сложно-причастных имен.

Причастие по своему лексическому значению и синтаксическому употреблению является отглагольным прилагательным и в этом качестве возможно при существительных, определением которых оно и является, наравне с собственно прилагательными, вступая с существительными в атрибутивные отношения: *aqar saj* — «текучая, текущая речка»; *aqar suv* — «проточная вода»; *capar at* — «скаковая лошадь»; *qalolan darja* «старое [устье] реки» и т. д.

Одновременно причастие может обращаться в существительное по значению: *capar* — «гонимый, курьер» и т. д. В этом своем значении существительного причастия, сохраняя глагольное управление, наравне с отглагольными существительными, вступают в сочетания с существительными именно глагольной, так сказать, стороной, образуя новое, сложное существительное, типа: *otsacar* — «огнемет»; *oqsacar* «пулемет»; *kunbatar* — «запад», *beşatar* — «пятистрельный», «винтовка»; *muşjarar* — «ледокол»; *orunbasar* — «заместитель»; *quşqonmas* — «сорт винограда» и т. д.

Сюда же необходимо отнести группу сложно-причастных имен с элементами, заимствованными из персидского языка: *sojxor*, *paraxor*, *nanxor*, *araqor*, *askijabaz*, *bedanabaz*, *xabardar*, *alaqadar*, отсюда, *lajxorak*, *maşxorak*, *tutxorak* и т. д.

5) К вопросу о сложных словах близко примыкает вопрос о приложении, — особого рода спутнике существительного, формально тяготеющего к существительному-определению, но не подчиняющемуся ему, стоящему параллельно, с некоторым элементом предикативности (коль скоро следует за существительным), напр. *Taşkent şahri*, *Ajim qışlaq*, *Qijat mahalla* и т. д.

В ряде случаев трудно определить, какое из двух существительных является собственно приложением по значению, настолько они приближаются к сочетанию синонимов, тесно примыкают друг к другу: *cal-buva* — «старик — дедушка»; *kampir-buva* — «старуха — бабушка»; *oqul-bala* — «мальчик — сын», мальчуган и т. д.

Сюда же нужно отнести группу приложений соименных, так сказать, приложений при именах собственных: *Aral-aka*, *Ioldaş-aka*, *Rozi-bibi*, *kelin-bibi*, *kelin-oji*, *Sejbani-xan*, *Babur-xan* и т. д.

В тех случаях когда эти соименные приложения входят в состав имен собственных, их, разумеется, нельзя рассматривать как приложения, напр.: *Asilmirza*, *Sabirçan*, *Axmatçan*, *Nurbibi*, *Salamatxan Saçidaxan-bibi* и т. д.

Рассмотренный порядок вещей требует определенных выводов и применительно к орфографии. Общие выводы не трудно предугадать: необходимо расширить и детализировать соответствующий раздел принятых орфографических правил, трактующих вопрос о так называемых сложных словах.

Существующая практика чрезвычайно неупорядочена, непоследовательность в правописании в этой части иногда поражает, в одном газетном столбце сплошь и рядом можно видеть и раздельное и слитное написание одного и того же слова или словосочетания.

Разумеется, общие принципы и определения орфографических правил необходимо закрепить в орфографическом словаре. Резюмируя сказанное можно эти общие выводы формулировать следующим образом:

а) Типы образования сложных существительных и прилагательных в узбекском языке чрезвычайно многообразны. Процесс их образования особенно усилился на современной стадии развития языка.

б) За пределы понятия сложного слова (этим, разумеется, решается вопрос об их раздельном написании) необходимо вынести сочетания прилагательных (и существительных-определений) с существительными определяемыми, которые выступают как самостоятельные слова при известном подчинении определению, типа: *qzil askar*, *Orta Asija*, *qzil partizan* и т. д. Сюда же должны быть отнесены сочетания двух существительных с аффиксом отношения, типа: *qirbaqa sallasi* и т. д., и, наконец, собирательные имена — интесивы и приложения (группа тесно примыкающих), последние пишутся через дефис: *bala-caqa*, *Rozi-bibi*, *Aral-aka* и т. д.

в) Слитно пишутся лишь собственно сложные слова (существительные и прилагательные), типы которых рассмотрены нами выше.

д) Границей сложного слова является не только семантическая природа его, но и известная фонетическая (акцентуальная) характеристика, наличие или отсутствие выраженного словесного ударения.

Самостоятельного рассмотрения требует вопрос о правописании имен существительных собственных, ибо группа имен собственных, хотя и примыкает определенной частью к рассмотренным нами типам образования сложных существительных, но семантически резко выделяется в особую

группу, в силу чего вопрос о слитном написании сложных существительных не случайно был поднят именно в связи с правописанием имен собственных.

Практика, опять-таки, свидетельствует о чрезвычайной неустойчивости правописания имен собственных (географическая номенклатура в первую очередь) именно в результате абстрактных требований существующих правил орфографии. Так, в газете «Кызыл Узбекистан» мы находим написание *Ortaasija*, в газете «Зарбдар» — *Orta Azija* и в газете «Бухара» — *Orta-Asija*. В одном и том же номере газеты: *Caş tera*, *Caş Tera*, *Caştepa* и т. д.

Упорядочение правописания собственных имен опять-таки в первую очередь зависит от выделения за скобки понятия сложных слов, названий из двух категорически самостоятельных слов, типа: *Janı Buxara* — «Новая Бухара»; *Orta Azija* — «Средняя Азия»; *Juqari Cırcıq* — «Верхний Чирчик»; *Qara dəniz* — «Черное море» и т. д., которые должны писаться раздельно. Наряду с этим обычные в географической номенклатуре приложения следует рекомендовать писать через дефис: *Qara-darja*, *Surxan-darja*, *Sir-darja*, *Amu-darja* и т. д.

Это принесет элемент определенной нормы в правописании и значительно упорядочит орфографическую практику.

Совершенно очевидно, что темпы развития узбекского литературного языка опережают установленные каноны, наши правила отстают от потребностей практики. Правописание наречий, послеслогов и союзов и особенно многочисленных сложносокращенных слов и новообразований, в частности, настоятельно требует нормирования и унификации.

В правописании наречий, сложных по составу, обнаруживается естественная тенденция к слитному написанию; *heçqacan* — «никогда», *harqacan* — «всегда», *harqajerda* — «всюду», и т. д. Эта тенденция закрепляется постепенно и орфографически.

Сложносокращенные слова и кальки представляют исключительно интересную картину внедрения и распространения в узбекском языке в устной и письменной речи на новой структурной основе: отметим исчезновение соединительных гласных: *neftbaza* — «нефтебаза»; *neftsindikar* — «нефтесиндикат»; *Dneprstroj* — «Днепрострой» и т. д., расчленение в произношении и в письме элементов сложносокращенных слов: *agra ucastka* — «агро-участок», *pot direktori* — «помдиректора», *hidro elektir stansasi* — «гидроэлектростанция»; *Sojuz mjaso* — «Союзмясо»; *prof sovet* — «профсовет». *Ped Institut* — «Пединститут» и т. д.

Примеры эти взяты из районной печати, по преимуществу, но они убедительно говорят об известной метаморфозе сложносокращенных слов, на почве узбекского языка и требуют соответствующего орфографического нормирования.

Таковы, в общих чертах, очередные задачи в деле строительства современного узбекского языка именно в плане орфографической его нормизации. Существующий свод орфографических правил уже нуждается в некоторых дополнениях и новых разъяснениях, это вызывается бурными темпами развития современного литературного языка.

На данном этапе чрезвычайно желательно установление более подробно разработанных и тщательно мотивированных сводок орфографических правил. В этом плане принятый и утвержденный проект новой единой узбекской орфографии должен стать костяком орфографических руководств и справочников, которые, по возможности, отвечали бы на больший круг возникающих орфографических вопросов, а их не малое количество.

Естественно, что вопросы орфографии тесно связаны с проблемами морфологическими и синтаксическими и, в частности, с проблемой терминологии, но круг этих вопросов приходится выделять как особую задачу наших очередных исследований.

Ленинград, март 1935 г.